

Грудные просторы

Как просветители учили российских женщин кормить детей

"1120 детей-искусственников из 10 тыс. новорожденных умирает в первый месяц жизни и всего лишь 210 находящихся на грудном вскармливании" — такой плакат висел на Показательной выставке по уходу за младенцами, открытой в Москве в 1914 году. Больше столетия врачи и публицисты боролись с постулатом, что состоятельная дама не должна сама кормить ребенка грудным молоком. Их охотно слушали, но все оставалось по-прежнему.

Дворянство и крестьянство различались и образом жизни, и одеждой, и методами воспитания детей

Фото: Heritage Images / DIOMEDIA

АЛЕКСАНДРА ПЛЕТНЕВА, АЛЕКСАНДР КРАВЕЦКИЙ

"При рождении его затягивают в свивальник, по смерти заколачивают в гроб..."

Бытовое поведение человека всегда строго регламентировано. Во времена, когда дрессура граждан еще не была ни обязанностью государства, ни бизнесом авторов и издателей различных правил хорошего тона, бытовые привычки и стереотипы просто передавались от старших к младшим. Но начиная с эпохи Петра I, уверенного, что при помощи правильного обучения, законов и инструкций возможно создать идеального подданного для идеального государства, в России в огромном количестве издавались книги, указывающие, как правильно себя вести в тех или иных ситуациях. И молодые матери не были исключением. Появилось огромное количество умных мужчин, которые знали о грудном вскармливании все и стремились поделиться знаниями с неразумными женщинами. Для утверждения современных способов ухода за младенцами уже при Петре I были организованы курсы для повитух. В последующие годы деятельность таких курсов расширялась, однако в деревнях слово "акушерка" так и не выучили и называли дипломированных акушерок "немецкими бабками", видя в них что-то чуждое и подозрительное.

В XVIII веке появляются бесчисленные книги, в том числе переводные, объясняющие, как должен жить прогрессивный современный человек. Поскольку настоящего слугу отечества следовало воспитывать с первых минут жизни, русские публицисты обратились к европейскому опыту. В значительной степени их труды основываются на знаменитом труде Жан-Жака Руссо "Эмиль, или О воспитании". Основная идея Руссо — свобода и естественность. "Человек-гражданин,— сетует Руссо,— рождается, живет и умирает в рабстве: при рождении его затягивают в свивальник, по смерти заколачивают в гроб; а пока он сохраняет человеческий образ, он скован нашими учреждениями". На протяжении последующих 250 лет рекомендации Руссо не пеленать младенцев и дать им возможность свободно двигаться повторяли авторы практически всех пособий для молодых матерей. И, судя по частоте этого призыва, молодые мамы не то чтобы очень внимательно прислушивались к таким советам.

Первым из отечественных авторов, пожелавших научить своих современниц правильному уходу за детьми, был Николай Новиков. В своем трактате "О воспитании" Новиков также призывает не пеленать детей тесно, но вот к отрицаемым Руссо колыбелям сей ученый муж был вполне лоялен: "Чем тише и ровнее движение колыбели, тем лучше для младенца; и посему те колыбели суть самые лучшие, которые, сделаны будучи наподобие подлинных кроватей, качаются на двух железных крюках, а те суть самые худшие, которые прикреплены непосредственно к потолку". Согласно Новикову, ребенок должен иметь отдельную комнату, а самое главное, ни в коем случае не должен спать в одной кровати с матерью или кормилицей, поскольку это "причиняет младенцам сухотку и другие болезни, потому что тело матери или кормилицы привлекает в себя тончайшие части тела детского". Как истинный энциклопедист, Николай Новиков серьезно и глубокомысленно описал процесс грудного вскармливания, сроки отъема от груди, особенности прикорма и рацион малышей. Он утверждал, что вредными для ребенка являются супы, каши и пироги, а также пшено, картошка и репа. Зато кофе детям весьма полезен. Замечательно, что Новиков специально указывает на то, что водка не является продуктом детского питания: "Водку не употребляют дети тех состояний, для которых мы пишем. Одна только чернь и некоторые глупые и бессовестные кормилицы дают детям выпивать ее по несколько, либо обмакивают в нее хлеб, дабы дети крепче спали, но для того принадлежат они к черни".

Чтение сочинений Новикова не было обязанностью молодых мам, поэтому трудно сказать, многие ли воспользовались его советами. Но были опыты составления обязательных для исполнения инструкций. Такую памятку молодой матери сочинил для своих крепостных младший современник Новикова Алексей Андреевич Аракчеев. Инструкция по грудному вскармливанию и уходу за детьми предписывала давать младенцам грудь не реже трех раз в день, а также держать ребенка в мягком сухом белье. Если же мать будет нарушать предписания, от чего младенец заболеет и умрет, она "не избегнет правосудного божеского наказания и остается в худом замечании у помещика". Эти правила были отпечатаны в типографии, и каждая аракчеевская крестьянка получила экземпляр для ознакомления и исполнения.

"Молоко смуглых женщин и вообще брюнеток лучше молока белолицых и блондинок..."

Самостоятельно кормили своих детей грудью лишь женщины небогатые, дамам из общества полагалось приглашать кормилицу. Это была общеевропейская практика. Еще Руссо писал, что "муж, осмелившийся согласиться, чтоб его жена кормила своего ребенка, был бы пропащим человеком, его принимали бы за убийцу, который хочет отделаться от жены". Авторы популярных книг для матерей после дежурной фразы, что мать сама должна кормить своего ребенка, переходили к советам по выбору кормилицы. "Очень толстые кормилицы,— читаем мы в одной из таких книг,— имеющие большею частью отвислые груди, легко и скоро теряют молоко; предпочтительнее не столь толстые женщины с крепкими упругими грудями. Кормилица должна отличаться следующими наружными признаками: свежим цветом лица с румянцем на щеках, ясными глазами со здоровыми неопухшими веками, красными губами без трещин и царапин, здоровыми белыми зубами и красными твердыми деснами, чистым дыханием без запаха изо рта, умеренными, но твердыми и выпуклыми грудями, сквозь кожу которых просвечивают синие жилки, хорошо развитыми сосками без прыщей, сыпи и царапин". Дотошный автор также учит проверять качество молока потенциальной кормилицы. Оно должно быть белым, сладковатым, лишенным запаха, а в воде капля должна "распускаться нежным облаком", а не опускаться хлопьями на дно сосуда. Имеет значение и цвет волос претендентки на роль кормилицы, поскольку "французские врачи (эпоха британских ученых еще не наступила.— **"Деньги"**) пришли к заключению, что молоко смуглых женщин и вообще брюнеток лучше молока белолицых и блондинок: оно богаче сахаром и казеином". В другой книге кратко формулируется запрет: "Рыжеволосые не годятся!"

Призывы отказаться от кормилиц воспринимались как нечто модное, но весьма экстравагантное. Сохранилась запись публичной лекции доктора ван Путерна, приват-доцента Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге (1892). О том, что матери должны сами кормить младенцев, лектор рассказывал примерно с той же интонацией, с какой в наше время сообщают о пользе купания детей в проруби и прочих экзотических процедурах. Основное место в этой лекции занимало доказательство того, что кормящая женщина не так уж сильно страдает. "Конечно же,—

констатирует лектор,— мать-кормилица должна вести правильный образ жизни, отказаться от рассеянной светской жизни, не должна отлучаться подолгу из дома, ограничить диету изгнанием из нее пресных и возбуждающих кушаний, приправ и напитков, должна ежедневно гулять на воздухе". Но это не так уж и страшно: "Малокровная, нервная современная женщина, решившись перенести все трудности кормления, не смотря на отговоры мужа и родных, боящихся, что она не вынесет "кормления", с удивлением убеждается, что она чувствует себя с каждым днем все лучше и лучше". Такое улучшение состояние здоровья матери бросается в глаза, поэтому "кормление ребенка нужно назначать как лекарство против малокровия и нервности". Лектор убеждает женщин, что кормление не портит форму груди, а наоборот, делает женщину более привлекательной. И уж совсем неожиданное открытие: "Сам акт сосания не только не болезненен и неприятен, но для многих составляет особое удовольствие". А вот к перспективе приглашения кормилицы ван Путерн относился резко негативно. Кто знает, какие опасные болезни может передать ребенку внешне здоровая незнакомая женщина.

Популярные медицинские издания много писали о психологических проблемах, связанных с появлением в доме кормилицы. Эти женщины принадлежали к другому социальному слою и использовали такие приемы ухода за детьми, которые в состоятельных семьях считались недопустимыми. Перечень таких методов кочевал из одной популярной книжки в другую: "Делание соски, сование груди ребенку при малейшем крике, закачивание, укладывание с собой в постель, растирание половых органов ребенка с целью успокоения, употребление различных секретных успокоительных порошков и настоев (мак) и прочее — все это мы встречаем ежедневно". При этом кормилицы, подавляющее большинство которых выросло в деревне, искренне не понимали, почему работодательница запрещает использовать те приемы успокаивания детей, которые в деревне не считались вредными, и по возможности саботировали барскую блажь. В некоторых семьях к кормилице даже приставляли специального человека, который следил за ее работой, а также за тем, чтобы она "не забывала ходить в баню и содержала себя, свое платье и белье в надлежащей чистоте".

Осознавшая свою незаменимость кормилица часто становилась совершенно неуправляемой. "Мне не раз на своем веку случалось,— жаловался один из докторов,— что меня призывали в дом не для лечения ребенка — здорового первенца, а лишь для того, чтобы я своим авторитетом повлиял на своенравную кормилицу, ставящую все в доме вверх дном. И бывали случаи, что я терпел поражение и оставлял родителей, не решавшихся отказать кормилице ввиду ее хороших физических качеств, на произвол судьбы".

Альтернативой кормилицам было искусственное вскармливание, избавляющее от присутствия в доме посторонней особы. Считалось, что коровье молоко лучше подходит здоровым младенцам, а козье — больным. Стерилизация и хранение молока (холодильники еще не были изобретены) требовали куда больше усилий, чем естественное вскармливание. В конце XIX века в России начали рекламировать искусственные смеси: консервированное стерилизованное молоко, "приготавливаемое на заводе Шютендобеля в Альпах", и "молочную муку Нестле", однако широкого распространения эти продукты не получили. Во всем мире смертность среди искусственников была существенно выше, чем среди детей на грудном вскармливании. Из 8329 младенцев, умерших в 1868 году в Мюнхене, 1231 (14%) был на естественном вскармливании и 7098 (85,3%) — на искусственном.

"От беспрестанного кормления сделались у кормилицы в грудях раны..."

Лишь изредка авторы популярных книг по уходу за младенцами вспоминали, что приглашение кормилицы обрекает ее собственного ребенка на болезнь, а то и на голодную смерть. Дело в том, что прием кормилицы на работу, как правило, предполагал ее отказ от собственного ребенка. Хорошо, если женщина могла отдать новорожденного родственникам в деревню, где всегда была возможность выкормить его грудным молоком. Но многие женщины вынуждены были отправлять своих детей в воспитательные дома.

Эти заведения заслуживают отдельного рассказа. Если почитать их первые уставы, можно подумать, что лучше всех в России жили сироты. Общая концепция воспитательных домов была разработана в 1763 году

Иваном Бецким и предусматривала прекрасное образование для воспитанников. С семи лет сирот и подкидышей должны были учить чтению, письму, рисованию и ремеслам. Обучение должно было вестись на русском и немецком языке, предполагались занятия в музеях, изучение иностранных языков и многое другое. А лучших учеников собирались отправлять в европейские университеты. Эта замечательная программа имела лишь один изъян: Бецкой как-то не учел, что прежде, чем учить отрока, необходимо выкормить младенца, а это не так уж и просто. Когда в 1764 году Московский воспитательный дом начал работать, у него в штате было 14 кормилиц (в конце года их стало 35), которым предстояло выкормить 523 младенца. К концу года 424 младенца скончались. На поиски кормилиц были брошены все имеющиеся силы и средства. Им увеличивали зарплату, назначали премии, выделяли транспорт для переезда в Москву. Объявления о приглашении кормилиц печатали в газетах. К 1797 году ситуация несколько выправилась. Теперь на одну кормилицу приходилось четверо-пятеро младенцев, что, конечно, тоже было ненормально. "От беспрестанного кормления,— говорится в одном из документов воспитательного дома,— сделались у кормилицы в грудях раны". Лишь к середине XIX века проблему нехватки кормилиц удалось худо-бедно решить. Но заставить молодых женщин безотлучно находиться в стенах воспитательного дома оказалось практически невозможно. Летом, когда в деревнях нужны были рабочие руки, многие кормилицы возвращались домой. Не лучше было и в праздники. На Масляную неделю, Пасху и Святки кормилицы разбегались, и детская смертность сразу же увеличивалась.

Куда проще было не держать младенцев в воспитательном доме, а отдавать в крестьянские семьи на попечение, назначив опекунам определенную плату. В 1764 году Иван Бецкой распорядился в порядке эксперимента отдать десять младенцев деревенским кормилицам, назначив приемным семьям ежемесячную плату. Эта схема привилась, причем размеры материальной помощи кормилицам и семьям и количество детей, отдаваемых в деревни, постоянно увеличивались. А сам подопечный при отделении от приемной семьи получал средства на обзаведение хозяйством. Нередко семьи детей усыновляли, и для этих случаев существовала своя система премий и поощрений. Так, первая поощрительная выплата в размере 30 рублей полагалась усыновителю,

взявшему ребенка из приюта, вторая — в связи с его совершеннолетием. Усыновление допускалось лишь с письменного согласия крестьянской общины, к которой принадлежал усыновитель.

"Разве мы царихи какие, чтобы по целой неделе лежать после родов..."

Если о кормилицах и их проблемах среднестатистический современный человек знает мало, то о том, как за новорожденными ухаживали в деревнях, он не знает уж точно ничего. И это неудивительно. Жизнь города неплохо описана в мемуарах и газетных репортажах.

Крестьянский же быт не столько описывали, сколько старались исправить и сделать похожим на городской. Лишь из этнографических описаний удастся почерпнуть хоть какую-то информацию, но, чтобы читать эти отчеты, нужно иметь крепкие нервы — слишком уж радикальными кажутся процедуры, через которые должен был пройти младенец. Например, "обмерших" детей, то есть не закричавших сразу после появления на свет, повивальные бабки опускали на несколько секунд в холодную воду и били ладонями по ягодичкам, а если эти приемы не помогали, брали ребенка за ножки и поднимали несколько раз, дули ребенку в задний проход, качали над подожженным помелом, давая попасть дыму в рот и ноздри, совали в нос гусиное перо.

Первые дни после родов деревенская роженица проводила в бане, где вместе с ребенком парилась иногда по несколько раз в день — чтобы "не спустилась и не скопилась в ней дурная кровь, а шла бы из тела легче и скорее". В бане роженицу и младенца осматривали принимавшие роды повитухи. Роженица подвергалась массажу, а новорожденный — "выправлению". Стараясь сделать голову младенца более правильной и округлой, бабки сильно сжимали ее, меняя форму еще мягких костей, сдавливали двумя пальцами или слегка вытягивали слишком широкий или приподнятый нос, стягивали, выгибали или туго бинтовали кривые ноги. Этнографы описывали эти манипуляции с нескрываемым ужасом. И не только этнографы. Еще Руссо в своем трактате "О воспитании" негодовал по поводу такой же практики у французских повитух. "Наши головы,— писал он,— видите ли, дурно устроены Творцом нашего бытия: их приходится переделывать... повивальным бабкам".

Исправлением костей дело не ограничивалось. Например, если соски новорожденных казались слишком припухлыми, их сосали, предполагая, что там скопилось молоко, которое необходимо удалить. Как правило, подобные косметические манипуляции проводились в первые дни жизни младенца, пока "дитя парено", но иногда подобные измывательства продолжались и до шестинедельного возраста.

Для деревенских женщин эти банные дни были законным послеродовым отпуском. На четвертый день, когда банный цикл заканчивался, женщина могла приниматься за хозяйственные дела и полевые работы. Лишь в состоятельных семьях срок послеродового отдыха мог увеличиваться до одной-двух недель. К родившим женщинам крестьяне относились куда менее сочувственно, чем к беременным. Этнографические записи фиксируют ворчание и иронические реплики родственников в адрес молодой мамы: "Экая беда, вытряхнула ребенка, да и норовит лежать ден пять безо всякого дела; вот пригадала, когда рожать, ни себе, ни другим покою нет: разве мы царихи какие, чтобы по целой неделе лежать после родов". Крестьяне, конечно же, знали, что женщину после родов нельзя заставлять делать тяжелую работу, поскольку у нее может "оторваться живот", но при нехватке рабочих рук предпочитали об этом не думать.

Современные представления о гигиене плохо сочетаются с народными представлениями о выхаживании ребенка. Чтобы ребенок был здоров и живуч, его сразу после рождения могли заворачивать в грязную отцовскую рубаху или штаны. В некоторых местах считалось, что новорожденный должен находиться в особом тепле — его заворачивали в овчинное одеяло и клали в остывающую печь. И самое удивительное, в деревнях полагали, что в первые дни жизни материнское молоко вредно ребенку, и, пока мать с младенцем находилась в бане, она его не кормила. В эти дни новорожденному давали завязанную в тряпочку вареную свеклу или морковь, разжеванный хлеб или баранки. Южные славяне были в этом отношении более гуманны, и первые дни после родов новорожденного кормила не мать, а соседка, в результате чего между младенцами возникало молочное родство. А в деревне, как известно, родственники лишними не бывают. Зато, начав кормить грудью, крестьянки делали это очень долго. Долгое кормление было одним из видов контрацепции — считалось, что кормящая женщина не

может забеременеть. Кормление грудным молоком продолжалось до трех и более лет. Кстати, если верить этнографическим записям, мальчиков рекомендовали кормить из правой груди, а девочек — из левой.

"Никому ведь не секрет, что от этого лишь вред..."

Когда авторы популярных книг объясняли читательницам, как нужно нянчить новорожденных, они изо всех сил пытались отвлечь их от традиционной деревенской практики. К числу простонародных, а значит, вредных для ребенка действий относилось укачивание, с которым боролись практически все. "Нет ничего вреднее для здоровья детей,— читаем мы в изданной в 1794 году "Карманной книжке для чадолюбивых матерей",— как то обыкновение, чтоб их качали в колыбели как для усыпления, так и для усмирения крика. Когда качают таким образом бедное дитя, то молоко, находящееся в его желудке, скисается и производит ему резь в животе и рвоту, часто опасную. Сверх того, качание может его оглушить и причинить ему в голове и прочих членах бесчисленные контузии. ...И если качаемые младенцы спасаются от таковых злоключений, то большая часть из них бывают слабы и подвержены аглицкой болезни (рахиту.— "Деньги"), а потому не могут иметь хорошего зуборастения".

Переходя из книги в книгу, этот совет благополучно пережил революционные события. Тут нет ничего удивительного. Большевистская культурная революция на практике означала приобщение крестьян к поведенческим стереотипам высших классов. Появляется целая серия популярных книг об уходе за детьми, и предполагалось, что, например, директор избы-читальни организует беседы с молодыми сельскими матерями на столь интересную и полезную тему. Содержанием эти книги очень похожи на те, что издавались до революции,— та же борьба с укачиванием, тугим пеленанием и сосками. Только ценные советы теперь излагались сюсюкающим псевдонародным языком, а то и стихами. В изданной в 1926 году рифмованной "Азбуке вскармливания" имеются вот такие вдохновенные строки: "Для ребенка зыбки-люльки И другие покачульки Никогда не применяй, К ним дитя не приучай. От качанья у ребенка Закружится головенка, Никому ведь не секрет, Что от этого лишь

вред". А соска превратилась почти в контрреволюционный гаджет: "И достались, видно, нам Мамки — не малина. Заглушают звонкий гам Соской из резины".

Другой идеей, которую советские пособия внушали молодым мамам, было кормление по часам. Раньше ритм кормления деревенской женщины зависел от того, чем она занималась. Пока мать была в поле, за младенцем ходила старшая сестра либо другая родственница, которые укачиванием или соской из хлебной корки пытались заставить замолчать голодное дитя. Когда же была возможность, мать могла кормить ребенка очень часто. Это одно из отличий между дворянским и крестьянским подходом к уходу за младенцами. В советское время дворянский подход был доведен до абсурда. Указывали точное время кормления, которого должны были придерживаться все кормящие женщины от Бреста до Владивостока: "Здорового доношенного ребенка необходимо прикладывать к груди 6 раз в сутки через каждые 3,5 часа: в 6, 9.30, 13, 16.30, 20 и 23.30... Очень важно приучить ребенка с первых дней жизни в определенное время есть, спать, просыпаться".

Трудно сказать, в какой степени молодые женщины следовали советам и рекомендациям, которыми их снабжали серьезные мужчины, утверждающие, что они знают все о грудном вскармливании. Чего стоит, например, такой совет крестьянским матерям: "Для приготовления сосков к будущему кормлению обтирать грудные соски разведенным спиртом или бензином". Подобные наставления и описания настраивают на оптимистичный лад. Если после всех этих прогрессивных измышательства женщины и дети все-таки выживали, значит, человеческий род извести невозможно.